

ДОСТОЕВСКИЙ
1821

1881

*Достоевский — всадник в пустыне, с одним колчаном стрел.
И капает кровь, куда попадает его стрела...
Достоевский живет в нас.
Его музыка никогда не умрет.*

В. В. Розанов. Опавшие листья

Предисловие
ВСЁ СБЫЛОСЬ ПО ДОСТОЕВСКОМУ...

*«Охранная грамота». — «Архискверный» Достоевский. —
Под знаком преодоления. — Полезность гения. —
Право на биографию. — Ключи к личности*

В разгар Гражданской войны на юге России, 5 мая 1919 года, в портовом городе Скадовске появился на свет уникальный документ.

«УДОСТОВЕРЕНИЕ № 626. Предъявитель сего, Екатерина Петровна Достоевская, согласно предъявленных ею документов... является женой Феодора Феодоровича Достоевского — сына знаменитого русского писателя Феодора Михайловича, старого Революционера, арестованного в 1849 году при царе Николае Павловиче за “злоумышленное” выступление против государственно-исторического строя вместе с другими революционерами и был приговорен к смертной казни через расстреляние. Уже на эшафоте, когда подали команду стрелять — приговор был смягчен. Феодор Михайлович Достоевский получил 4 года каторги. А в 1881 году 28 января он умер и унес с собою живого защитника обездоленных, но оставив нам свои неоцененные труды для дальнейшего перевоспитания человечества. Глубоко уважая память товарища Ф. М. Достоевского, просим не стеснять его прямых родственников, внуков, отпрысков борца за свободу человечества»¹.

Хотя «охранная грамота», выданная председателем Скадовского революционного комитета родным Ф. М. Достоевского, скоро утратила свою силу (в августе 1919 года город заняли войска генерала Деникина, задержавшиеся здесь на полгода), она стала примером самой короткой и самой романтической биографии великого русского писателя. Новая власть вскоре отнимет у Достоевского звание защитника обездоленных и воспитателя человечества, приписанное ему ревкомовцем, чутко уловившим, какие именно смысловые нюансы придадут казенной бумаге спасительные функции.

Ревкомовец — его звали Михаил Андриец — не мог знать, что пятью годами раньше, в письме Инессе Арманд вождь пролетарской революции В. И. Ленин высказался о том же предмете совсем в ином ключе. «Прочел сейчас, my dear friend, новый роман Винниченко («Заветы отцов». — Л. С.), что ты прислала. Вот ахинея и глупость! Соединить вместе побольше всяких “ужасов”, собрать воедино и “порок”, и “сифилис”, и романтическое злодейство с вымогательством денег за тайну... Все это с истериками, вывертами, с претензиями... Архискверное подражание архискверному Достоевскому... Муть, ерунда, досадно, что тратил время на чтение»².

О том, что у Ленина-читателя отношения с Достоевским-писателем категорически не складывались, хорошо знало окружение вождя, оставшегося равнодушным к каторжно-ссылной истории русского классика. «Беспощадно осуждал Владимир Ильич реакционные тенденции творчества Достоевского»³, — сдержанно скажет через три десятилетия после смерти Ленина В. Бонч-Бруевич. Подробности «осуждения» станут известны из книги политэмигранта Н. Валентинова (Вольского), которому о вкусах Ильича рассказал видный большевик В. В. Воровский: «Достоевского [Ленин] сознательно игнорировал... “На эту дрянь у меня нет свободного времени”... Прочитав “Записки из Мертвого дома” и “Преступление и наказание”, он “Бесы” и “Братьев Карамазовых” читать не пожелал. “Содержание сих обоих пахучих произведений, — заявил он, — мне известно, для меня этого предостаточно... “Братьев Карамазовых” начал было читать и бросил: от сцен в монастыре стошнило... Что же касается “Бесов” — это явно реакционная гадость, подобная “Панургову стаду” Крестовского, терять на нее время у меня абсолютно никакой охоты нет. Перелистал книгу и швырнул в сторону. Такая литература мне не нужна, — что она мне может дать?»⁴.

Мрачная тень этих оценок многие десятилетия маячила перед теми, кому по казенной надобности либо по долгу службы приходилось писать о Достоевском. Тон задавали, помимо частных ленинских откровений, и публичные заявления М. Горького, в разгар первой русской революции указавшего на двух главных врагов России: Толстого и Достоевского: «Я не занимаюсь критикой произведений этих великих художников, я только открываю мешан. Я не знаю более злых врагов жизни, чем они. Они хотят примирить мучителя и мученика и хотят оправдать себя за близость к мучителям, за бесстрашие свое к страданиям мира... Это — преступная работа»⁵.

Правда, в 1905 году, печатаясь в легальной большевистской газете «Новая жизнь» и имея сильных оппонентов в буржуаз-

ной прессе, Горький вынужден был соблюдать баланс: предвидя неизбежную реакцию политических противников, а может быть, и действительно *именно так* думая, он сделал сильный тактический ход: «Толстой и Достоевский — два величайших гения, силою своих талантов они потрясли весь мир, они обратили на Россию изумленное внимание всей Европы, и оба встали, как равные, в великие ряды людей, чьи имена — Шекспир, Данте, Сервантес, Руссо и Гёте. Но однажды они оказали плохую услугу своей темной, несчастной стране»⁶.

Однако чем более крепла краснофлаговая линия, тем больше оговорок по адресу Достоевского появилось в речах Горького и тем непримиримее они становились. В 1913-м автор «Братьев Карамазовых» аттестовался все еще как гений, но уже как «злой гений наш»⁷. А 17 августа 1934 года в докладе на Первом Всесоюзном съезде советских писателей ожесточенное «но» Горького прозвучало угрожающе: «Достоевскому приписывается роль искателя истины. Если он искал — он нашел ее в зверином, животном начале человека и нашел не для того, чтобы опровергнуть, а чтобы оправдать... Гениальность Достоевского неоспорима, по силе изобразительности его талант равен, может быть, только Шекспиру. Но как личность, как “судью мира и людей” его очень легко представить в роли средневекового инквизитора»⁸.

Фантазия Горького немедленно получила развитие — на той же трибуне, спустя три дня, литературовед В. Б. Шкловский с энтузиазмом заявил: «Спор о гуманизме кончается на этой трибуне, и мы остаемся, мы стали — единственными гуманистами мира, пролетарскими гуманистами»⁹. В Колонном зале Дома союзов, где проходил съезд, запахло судебными санкциями: «Мы должны чувствовать, что если бы сюда пришел Федор Михайлович, то мы могли бы его судить как наследники человечества, как люди, которые судят изменника, как люди, которые сегодня отвечают за будущее мира. Ф. М. Достоевского нельзя понять вне революции и нельзя понять иначе как изменника»¹⁰.

Подходы к Достоевскому, ориентированные на беспощадность Ленина, непримиримость Горького и слаженный хор «пролетарских гуманистов», вскоре дали первый результат. В том же 1934 году издательство «Academia» выпустило очередной (третий) том писем Достоевского с предисловием, исполненным негодования и возмущения. «Идеология фашизма, концентрирующая ныне на всю сумму наличных аргументов против коммунизма, бесконечно ограниченнее и беднее того, что несколько десятилетий тому назад сказал уже на эти темы Достоевский»¹¹.

Игнорировать факт существования Достоевского в литературе было невозможно: «Academia» считала его крупнейшим мировым художником XIX века. Но изучать и знать его, полагала марксистская критика, следовало только под знаком *преодоления* — как сильнейшего («гигант среди лилипутов мысли»¹²) идейного противника. «Никак нельзя нам учиться у Достоевского. Нельзя сочувствовать его переживаниям, нельзя подражать его манере... Для нового человека, рожденного революцией и способствующего ее победе, пожалуй, почти неприлично не знать такого великана, как Достоевский, но было бы совсем стыдно и, так сказать, общественно негигиенично подпасть под его влияние»¹³, — писал А. В. Луначарский в 1931-м. Нарком просвещения, один из теоретиков пролетарской культуры, рисовал *социальную биографию* Достоевского как симбиоз честолюбивого, жадного до славы большого мещанина (автора) и циника-мещанина (героя), работавшего зубами, когтями и каблуками, чтобы пробиться к сладкому пирогу. «И в самом Достоевском жил мещанин такого типа: конквистадор и садист»¹⁴. Этот «полураздавленный мещанин-разночинец, стремившийся к моральному истреблению революции», вдохновлялся, по Луначарскому, Смердяковым и обслуживал контрреволюцию, «вещь для пролетариата не только вредную, но и позорную»¹⁵. Показательно, что десятью годами раньше, в 1921-м, Луначарский, не помышляя еще о политической гигиене, радовался, что «Россия идет вперед мучительным, но славным путем, и позади ее, благословляя ее на этот путь, стоят фигуры ее великих пророков, и среди них, может быть, самая обаятельная и прекрасная фигура Федора Достоевского»¹⁶.

Можно утверждать: от полного запрета в советскую эпоху Достоевского спас его несравненный, бездонно глубокий гений, а также иллюзия деятелей пролетарской культуры, что где-то в глубине души Достоевский, мечтавший о земном рае и мировой гармонии, увлекавшийся социалистическими утопиями, пострадавший от царизма («самодержавие искалечило писателя, но он остался великаном»), — в большей степени союзник, чем противник советского строя. Критикам новой формации было лестно сражаться с мировым гигантом, обвинять его в непонимании исторических процессов, уличать в отсталости, ловить на противоречиях. По логике победившего пролетариата, Достоевский-идеолог потерпел колоссальное поражение, ибо, предвидя революцию и предчувствуя ее неизбежность, клеветал на нее, изображал карикатурными красками, долго и тщетно против нее боролся.

Но на фоне великой победы (тогда она виделась необратимой) можно было *оставить* в резерве культуры Достоевского-

художника — для назидания. «Достоевский по стилю и духу близок популярнейшим писателям начала XX века, и в произведениях Горького, Андреева, Арцыбашева, Сологуба продолжается разработка тех же мотивов, что и в произведениях классика Достоевского. Можно сказать, что вся современная художественная литература идет по стопам Достоевского, как литература классическая шла по стопам Пушкина. Достоевский — все еще современный писатель; современность еще не изжила тех проблем, которые решаются в творчестве этого писателя. Говорить о Достоевском для нас все еще значит говорить о самых больших и глубоких вопросах нашей текущей жизни»¹⁷, — писал В. Ф. Переверзев. Марксистский критик, обвиненный в меньшевистском ревизионизме и отсидевший 18 лет в лагерях, Переверзев задолго до своего первого ареста в 1938 году сумел внедрить в общественное сознание мысль о сугубой полезности Достоевского делу революции: ведь *всё сбылось по Достоевскому*, ведь этот «мещанин» раскусил самую сердцевину красного перца революции, ведь он, как никто другой, предвидел все ее изъяны и постыдные тайны, всю ее жестокость и безнравственность. «Он знал о революции больше, чем радикальнейшие из радикалов, и то, что он знал о ней, было мучительно и жутко, раскалывало надвое и терзало противоречиями его душу»¹⁸.

От Достоевского нельзя было отмахнуться насмешкой, анекдотом, издевкой. Но можно было попытаться *приручить* гения, заставить работать на новую культуру. Имело смысл прислушаться к нему. Предполагалось, что у него есть чему поучиться: трезво, без сентиментального идеализма, смотреть на мощные революционные волны; не бояться головокружения от революционной качки; сохранять ясность мысли и спокойную уверенность при революционной грозе; правильно реагировать на перегибы революции, не пьянея от ее размаха и не впадая в панику от ее неизбежных срывов. «Знакомя нас с самыми интимными уголками психологии мелкобуржуазной революционности, Достоевский воспитывает в нас чувство осторожной недоверчивости к этой лукавой силе и приучает нас быть готовыми к самым резким поворотам в ходе переживаемой революции»¹⁹. (Здесь уместно вспомнить, как еще в 1880-м трактовал пресловутую *пользу* от чтения Достоевского К. Н. Леонтьев: «Мнения Ф. М. Достоевского очень важны, не только потому, что он писатель даровитый, но еще более потому, что он писатель весьма влиятельный и даже весьма *полезный*. Его искренность, его порывистый пафос, полный доброты, целомудрия и честности, его частые напоминания о христианстве — все это может в высшей степени благотворно действовать

(и действует) на читателей, особенно на молодых *русских* читателей. Мы не можем, конечно, счесть, скольких юношей и сколько молодых женщин он отклонил от сухой *политической злости нигилизма* и настроил их ум и сердце совсем иначе; но верно, что таких очень много!»²⁰)

Соблазнительная идея *о полезности* гения открывала богатейшие — много шире дозволенных рамок и классовых условий — возможности для изучения творческого наследия Достоевского. Шанс приспособить опасного классика для социалистической культуры продержался вплоть до 1990-х годов и стал идейным фундаментом Полного академического собрания сочинений в тридцати томах (1972—1990), уникального издания, непревзойденного по качеству филологической подготовки и по сей день. В редакционном предисловии отмечались важнейшие черты наследия Достоевского, которые являются «достоянием передовых, демократических и социалистических сил», несмотря на свойственные ему как человеку и писателю «многочисленные, исторически обусловленные ошибки и заблуждения»²¹. Среди этих черт — гуманизм, острое чувство справедливости, вера в русский народ, который «своим братским примером поможет другим народам в общем движении человечества к свободе и счастью»²². «Эти предвидения Достоевского претворила в жизнь Великая Октябрьская социалистическая революция»²³, — утверждали редакторы издания. Даже если эта фраза была сплошь ритуальной, обойтись без нее для такого рискованного предприятия, как полный Достоевский, в ту пору все еще не представлялось возможным. Советская пропаганда всегда рекомендовала обращаться к Достоевскому как к умелому оппоненту капиталистического строя, борцу с *официальной* религией, критику радикального либерализма и утопического мелкобуржуазного социализма. Считалось, что знать Достоевского необходимо, особенно для тех, кто занят борьбой на идеологическом фронте. Достоевскому вменяли обязательства, которых сам он на себя никогда бы не взял.

...А марксистская критика 1930-х, понимая, что одним только творчеством никак не обойтись, предложила даже и ракурс, в котором следовало рассматривать личность писателя, его жизнь и судьбу. «Все его повести и романы — одна огненная река его собственных переживаний. Это — сплошное признание сокровенного своей души. Это — страстное стремление признаться в своей внутренней правде... Достоевский тесно связан со всеми своими героями. Его кровь течет в их жилах. Его сердце бьется во всех создаваемых им образах. Достоевский рождает свои образы в муках, с учащенно бьющим-

ся сердцем и с тяжело прерывающимся дыханием. Он идет на преступление вместе со своими героями. Он живет с ними титанически кипучей жизнью. Он кается вместе с ними. Он с ними, в мыслях своих, потрясает небо и землю. И из-за этой необходимости самому переживать страшно конкретно все новые и новые авантюры он нас потрясает так, как никто»²⁴.

Так «архискверный» Достоевский получил в Стране Советов право на биографию.

* * *

Первый биограф Достоевского, профессор Санкт-Петербургского университета Орест Федорович Миллер, приступивший к сбору материалов для жизнеописания сразу же после смерти писателя, жаловался на равнодушие и неотзывчивость лиц, близко знавших покойного, хранивших его письма, но не торопившихся их обнародовать. «Смелости не хватает назвать настоящим жизнеописанием то, что может образоваться от приведения в порядок имеющегося теперь материала. Слишком много еще ощущается различных пробелов, пополнить которые зависит от доброй воли тех, кто, должно быть, считает письма Достоевского или же свои воспоминания о нем своею частною собственностью... Хотя жизнеописание Достоевского еще невозможно в своем настоящем смысле, — удерживать под спудом накопившийся уже материал было бы, в свою очередь, со стороны собирателей присвоением себе общественной собственности. Пусть только публика смотрит на то, что представляется ей на этих страницах, как на свод материалов — не более»²⁵.

И в самом деле, прижизненная критика — и революционно-демократическая, и умеренно-консервативная, и религиозно-философская — биографией Достоевского не занималась, как не занимался ею вообще почти никто до революции. Интерпретаторы творчества писателя были поглощены острой мировоззренческой борьбой. Вокруг имени классика сталкивались личности, группы, направления, партии. Идеологи самых разных течений русской и европейской мысли готовы были видеть в нем своего предтечу — или своего непримиримого врага. В течение четырех предреволюционных десятилетий ревдемовская критика упрекала Достоевского в злобной и лживой клевете на прогрессивные общественные движения. Радикальные публицисты (П. Н. Ткачев, Н. К. Михайловский, П. Л. Лавров, Г. И. Успенский) настойчиво подчеркивали: Достоевский нарушил правду жизни, выдав *часть* за *целое*. Мы, революционеры, *не такие*, какими изобразил нас Досто-